

УЧИТЕЛЬ: ВДОХНОВЕНИЕ, признание, предназначение

Ирина Млодик,

председатель Межрегиональной ассоциации психологов-практиков «Просто вместе», преподаватель Российского государственного гуманитарного университета, кандидат психологических наук

Кто такой учитель в России? Когда-то учителями были высокообразованные, интеллигентные люди. Деревенский учитель был одним из самых уважаемых во всей деревне и на селе. К нему ходили советоваться, у него искали поддержки или утешения. Советская власть, понимая роль школы в идеологическом воспитании граждан, стала активно ковать учителей советского типа. К шестидесятым годам XX века, когда процветание, востребованность и популярность точных наук привели к большим конкурсам на технические факультеты вузов, желающих пойти в учителя стало значительно меньше. Престиж простого учителя значительно снизился. Но престиж высшего образования никогда не падал, а сегодня повышается. Сейчас без высшего образования в Москве и в секретари не наняться, хотя эта специальность точно не требует особых системных знаний.

Вот и получилось со временем, что в педагогические вузы поступали не только те, кто избрал педагогику своим призванием, не только, и даже не столько те, кто любит детей, кто умеет, любит учить и учиться. Педагогический

институт, конечно, позволял получить высшее образование, но некоторые бывшие студенты после его окончания приходили в школы, хотя лучше бы они продолжали искать своё предназначение.

Конечно, так происходило не только с педагогами. У нас в стране было много некомпетентных врачей, никудышных инженеров, бездарных учёных. Не привыкший выбирать народ был в массе своей непрофессионален. Надо было выживать, приспосабливаться, как-то жить. Было не до поиска себя, не до обнаружения талантов и способностей. И жаль, потому что профессионалом можно стать только в той области, которую осознанно выбираешь, которую любишь, которой горишь.

В нашей стране, вероятно, в силу массового непрофессионализма, почти каждый (не получив специального образования) знал, как лечить, как воспитывать детей, как их учить. Не доверяя официальной медицине и педагогике (официальной психологии практически не существовало), мы занимались самолечением, самовоспитанием и самообразованием. Это позволяло выжить. Но уровень «услуг», которые мы сами себе предоставляли, был все же очень низок, и занимались мы всем этим так же непрофессионально, как и те, кто должен был это делать в силу избранной специальности.

Побывав первый раз в Америке, я с изумлением обнаружила, что там мужчине не надо быть «многостаночником» в мире домашнего хозяйства: проблемами с электропроводкой занимается вызванный электрик, унитазами — сантехник, крышу чинить приезжает кровельщик, а в саду работает садовник. И женщине вовсе не обязательно быть сестрой милосердия, врачом, травником, заготовителем сельхозпродукции, воспитателем, учителем, психологом в одном лице. Каждый мог заниматься только тем, что он избрал своей профессией или хобби. Остальным занимались специально обученные люди, также избравшие это специальностью.

Те мои знакомые, кто нашёл своё предназначение, пусть даже им пришлось отказаться от многих первоначальных удобств, финансового благополучия, предсказуемости и стабильности жизни, теперь очень успешные люди. Начав заниматься в любом возрасте тем, к чему лежала их душа, тем, для чего их создала природа, они быстро восстановили и преумножили финансовое благополучие, повысили свой социальный статус, открыли в своей жизни источник энергии, радости, удовлетворения.

Понимание своего предназначения даётся не всегда просто. Редкий человек с ранней молодости настолько понимает и знает себя, чтобы это понимание стало для него безусловным. Мало кто рождается с очевидным и ярким талантом. Большинству этот удивительный талант придётся открывать заново. Дело в том, что когда-то в детстве — возможно, кстати, и до похода в школу, — мы очень хотели что-то делать, кем-то быть. Часто это были туманные желания, иногда мы не могли это ясно выразить, назвать какой-то профессией. Кому-то из нас помогли прислушаться к себе родители, кого-то заметил хороший учитель, тренер да и просто мудрый взрослый, и помог развить талант, сотворить новое будущее, судьбу. А кого-то подняли на смех, заменив горячее желание и ещё не реализовавшийся талант на свои «разумные обоснования» и «родительские предпочтения»...

Я не родилась гением. И, собственно, особых предпосылок к тому, чтобы им стать, у меня тоже не было. Я — младший ребёнок в семье, живущей в маленьком городке на Урале, у меня испуганный взгляд, боязнь школы и учителей,

отсутствие самостоятельности и послушный характер. Со мной удобно. Я никому не доставляю хлопот, разве только своими бесчисленными простудами.

Я исполнительна и неплохо учусь в школе с весьма строгими нравами и порядками. Мой тихий, часто отсутствующий вид многих вводит в заблуждение по поводу моих способностей и возможностей проявить себя. Но это иллюзия: внутри меня все время кипит жизнь, рождаются и умирают фантазии, зреют образы и клокочут страсти. Им просто страшно выйти наружу, страшно проявиться. Я единственная в классе, кто любит писать сочинения, делает это с удовольствием и получает свои законные «четвёрки» за содержание, которое всегда в чём-то не совпадает с мнением учебника или учителя литературы.

Я пытаюсь вспомнить, как оказалось, что моему гению не случилось тогда родиться, и всё, что мне вспоминается, — это мои восемь лет. Я, как всегда, болею, а значит, у меня полно времени, чтобы заниматься любимым делом — сочинять сказки. Я с упоением придумываю разные истории с принцессами и их женихами, записываю сказки в тетрадь, делаю к ним рисунки. Получается почти книжка. Мне нравится, что создаю почти настоящие книжки, и даже начинаю собой гордиться. Но после реакции моих домашних, которой я уже почти не помню (высмеивание моих дурацких сказок сестрой, равнодушие или усталость мамы; отцу я, скорее всего, свои «книжки» даже не показывала), я перестаю сочинять сказки. Совсем.

Но во мне всё ещё живёт вулкан творческой энергии, и через несколько лет к папиному юбилею я сочиняю стихи, длинные такие, красивые, как мне казалось, стихи — папе.

— Хорошие стихи, — одобрительно кивает он, — где ты их взяла, у Есенина?

Я теряюсь, мне не по себе, и непонятно: он шутит или серьёзно.

— Я сама их написала, для тебя.

— Ну, ты бы так не смогла хорошо написать, это наверняка Есенин!

До сих пор не знаю, шутил ли он или вправду не верил. Но это были последние стихи, которые я показала кому-нибудь. А вскоре просто перестала их писать. Вообще.

Я совершенно убеждена, что каждый ребёнок по-своему гениален. В его детской психике, личностной структуре заложено так много возможностей, энергии, способностей, талантов! Мозг здорового ребёнка открыт всему, что происходит вокруг. А происходит так много, начиная прямо с самого рождения!

Вы наверняка часто видели, как даже грудной малыш, следуя за своим интересом, познаёт мир вокруг себя, исследуя его на вкус, цвет, звук, упругость, прочность. Как завораживают его сказки, населённые самыми удивительными образами и чудесами. Как своеобразно он обходится с русским языком, выдумывая несуществующие слова и правила, как потом подчиняет мир своей детской логике, в которой нет ничего невозможного. В этом мире и «лошади летают вдохновенно», и из кошки можно сделать медведя, а из медведя сделать товарища. Мир удивителен и прост, поскольку в любой момент может случиться всё что угодно. А если мама рядом, то «всё что угодно» — это как раз то, что нужно!

Но если так случается, что родительская, по большей части — мамина, тревога вдруг возрастает, то возможности исследовать мир и составлять о нём своё непредвзятое мнение резко сокращаются, в ход идёт нелюбимое слово «нельзя!», а потом «Не трогай! Не ходи! Возьми лучше это! Поиграй лучше с тем» — и вскоре интерес почему-то пропадает, ведь никому не захочется играть с тем, что тебе совершенно не интересно. А потом за тебя начинают решать, что тебе поесть, чем тебе позаниматься... И интерес умирает совсем, оживая только у некоторых

на особо строгое «нельзя» (раз «нельзя», значит, — точно что-то интересное).

Школа кажется очень заманчивой, потому что там будут что-то рассказывать, а значит, наверное, не будет скучно. Но, как ни странно, говорят больше слова про то, как «надо», а вовсе не про то, что притягивает. И к тому же там начинают сравнивать с другими, ставить оценки, и не всегда справедливо. За решённую другим способом задачу могут вообще вкатить «пару». А главное ни от кого не дождёшься похвалы. Получишь «четыре» — дома отец: «А почему не «пять»?». Получишь «пятёрку»: «А почему не две?» Всегда недотягиваешь до чего-то, как ни старайся. Ну и зачем тогда стараться, какой смысл? Проще быть как все, решать как все, мыслить как все...

Почему я так много говорю о предназначении? Не только потому, что учитель, который занимает не своё место, — это плохой учитель. Ещё и потому, что учитель, не открывший в себе таланта, не найдя своего предназначения, никогда не сможет помочь в этом своему ученику. И хорошо ещё, если только не поможет...

Моя личная история закончилась хорошо во многом благодаря именно одному очень мудрому и талантливому человеку — моему учителю.

Вот уже около двадцати лет я ничего не пишу. В моём институте, где я получаю второе своё образование, нам задан реферат по психологии творчества. Выданы темы, но мне они неинтересны, и я решаю пойти на риск: написать реферат об одарённости собственного ребёнка. Это то, что меня очень интересует, и реферат получается не сухой выжимкой из литературных источников, а вполне живым рассказом с примерами и случаями из жизни.

Наш обычно не очень строгий, пожилой профессор Арнольд Львович, зайдя в аудиторию, необыкновенно серьёзен. Он подходит к своему столу и называет мою

фамилию. У меня ухаёт сердце: неужели будет ругаться за самоуправство?

Он сажает меня перед собой. Серьёзно и внимательно глядя мне в глаза, говорит: «Я хочу сказать вам очень важную вещь. Вы написали замечательный реферат об одарённости вашего сына. Но на самом деле и вы — очень талантливы. Вам надо писать. Вы талантливы! Запомните это».

Увы, я не запомнила, даже посчитала его слегка сумасшедшим. С облегчением тогда я осознала, что реферат зачтён, и он получился, понравился. Но поверить в то, что мне надо писать, что у меня талант, — это было уже слишком. И я забыла обо всём этом ещё на несколько лет.

Но внутри началась какая-то слабо заметная мне самой работа, которая будила моего внутреннего «гения». И писать почему-то хотелось. На моём пути и дальше встречались удивительные люди, которые помогли взойти семенам, заложённым тем пожилым профессором, и обрести голос, который теперь звучит всё более уверенно: «Ты талантлива, ты многое можешь, если захочешь и просто начнёшь это делать».

Так важно, чтобы и в вашей жизни нашлись люди, которые, однажды серьёзно и внимательно глядя вам в глаза, сказали бы: «Вы талантливы! Запомните это!» Быть может, когда-нибудь и вы станете тем самым мудрым учителем для кого-то, чей «внутренний гений» пока спит и ждёт пробуждения.

Так что же должен человек, чьё предназначение — быть учителем? Знать свой предмет, уметь его донести и любить детей? Даже эти три условия кажутся значительными (хотя некоторые учителя иногда обходятся лишь одним). Однако на самом деле условий гораздо больше.

Поскольку учитель работает с людьми: детьми, родителями, коллегами, то работа в школе — это постоянно актуальный человеческий фактор. А значит, учитель работает не только своими знаниями, педагогическими методиками, профессиональными навыками, но и своей личностью, своей душой. Его душа должна быть в порядке. Это не означает, что у него не может быть проблем, трудностей, печалей. Про-

сто неплохо бы осознавать собственные затруднения и не переносить их на детей, а это на самом деле не такая простая задача, как кажется.

Учитель когда-то был ребёнком, который получил в своё время разнообразный педагогический опыт: его воспитывали родители, он учился в школе, в институте, потом воспитывал собственных детей. Модели, в соответствии с которыми происходило взросление, далеко не все помогают нам в работе. Например, если вы любите только строгий порядок во всём, то понимаете, что такое ваше стремление может принести много пользы. Но школа не может держаться лишь на порядке, ибо он убивает всё живое. Значит, своё неукротимое стремление к порядку нужно реализовывать и где-то помимо школы, а в классе с пониманием относиться к неизбежным явлениям периодического хаоса или творческого бардака.

А если вы с детства привыкли брать на себя всю ответственность? Быть ответственным — совсем неплохое качество для учителя. Но если вы лишаете стремление к ответственности свой класс, то дети непременно будут возвращать в себе предельную безответственность, и не потому, что они балбесы и лодыри, а потому, что это закон: тот, у кого вы забираете его ответственность, рано или поздно становится инфантильным. Значит, учителю важно осознать привычку брать всё на себя, по возможности найти истоки этого и следить за тем, чтобы оставлять детям их ответственность, а не растить из них потребителей и инфантильных пользователей.

В нашей психике есть простой закон: если с чем-то нам неприятно сталкиваться на пути осознания себя, то можно никогда и не столкнуться: защитный механизм сопротивления всегда поможет избежать неприятных осознаний. Во-вторых, чтобы увидеть что-то, нужен

другой, ведь собственный взгляд на себя «замылен» и часто состоит из устоявшихся заблуждений, устаревших впечатлений, когда-то давно приклеенных оценок. Наконец, учителю иногда сложнее чем кому-либо, признаваться в своих слабостях, ошибках, «белых пятнах», «чёрных дырах», может мешать невозможность оставить хотя бы на время некую экспертную позицию, страх потерять авторитет, лишиться уверенности в себе самом.

Но чем больше мы знаем о себе, тем больше у нас психологических ресурсов, тем больше возможностей быть полным, цельным, адекватным. Тем более гибко мы реагируем на самые разные ситуации, тем активнее, свободнее и интереснее живём.

Некоторым взрослым значительно проще продолжать опираться на те модели, которые они получили когда-то. Но беда в том, что приёмы, применяемые лично к ним, подходят далеко не каждому ребёнку, и время, в которое они учат своих ребят, уже другое, а хорошему учителю придётся всё это учитывать. Иначе есть риск, что будут видеть в детях не живых и очень разных людей, а «винтики», которые бы максимально подходили к избранному педагогическому механизму. Учитель по призванию *учит детей*, а не математике или английскому языку. «Кого» в данном случае намного весомее, чем «какому предмету».

Исходя из этого одним из самых важных критериев учительского предназначения является уважительное отношение к личности. *Как к своей собственной, так и к личности всех участников педагогического процесса.* Уважение подразумевает знание. Далеко не все учителя, даже почтенного возраста, на самом деле хорошо знают себя: некоторые смирились с теми привычными представлениями о самих себе, которые сформировали их родители и школа ещё в детском возрасте. Но, не зная себя, невозможно захотеть узнать другого — своего ученика. А что такое уважение?

Признание другого — другим. Ты думаешь не так, как я, но я уважаю твою позицию, даже если её не разделяю. У тебя есть свои задачи, у меня — свои. Ты не обязан соответствовать моим ожиданиям, я не обязан соответствовать твоим. Я не буду нарушать твои личностные границы, но и не позволю тебе нарушить свои. Я признаю твоё право не любить меня, но и я не обязан любить тебя, и это не значит, что с кем-то из нас что-то не так. Я принимаю своё несовершенство и даю тебе право на твоё.

Без возвращения учителю самоуважения, растерянного за недавние годы, невозможно вернуть уважение учеников к месту, которое называется «школой», и к процессу под названием «учение».

Многое здесь зависит от внутришкольной атмосферы и администрации. Приходилось слышать, что директора отчитывали учителей в уничижительной манере, чиновники от образования словно экзаменовали директоров. Рыба гниёт с головы. И если государство начнёт наконец поддерживать учителя, как статусно, так и материально, если вернётся общее уважение к этой важной и нелёгкой профессии, то и самоуважение отдельного учителя будет значительно прочнее. Трудно делать что-то с горением и удовольствием, если ты не признан, если ты не уважаем, если не вознаграждён хотя бы благодарностью.

Ещё один критерий — любить свой предмет и уметь его преподнести. Невозможно увлекательно рассказать о том, что самого не волнует. И даже если волнует, не так легко преподнести это доступно, интересно, системно. Хороший учитель умеет рассказать просто о самом сложном и запутанном; для этого его мышление должно быть ясным и системным, речь — доступной, но не упрощённой, позиция — преподавательской, но не назидательной. В нём должна присутствовать авторитетность, но не авторитарность;

требовательность, но не жёсткость; компетентность, но не консерватизм.

— *Его любили все, а девчонки так поголовно были в него влюблены. Мужчина в школе — редкость, а такой интересный мужчина, такой взрослый, красивый, умный... Он мог затмить любого.*

— *Что же в нём было такого? Правда, как-то по-особенному красив?*

— *Ну, если сейчас посмотреть на него критическим женским взглядом, то, наверное, ничего особенного: высокий, худой, чуть сутулый, с лёгкой сединой, в очках. Одетый, прямо скажем, не по последней моде. Чуть за сорок, наверное, ему было тогда. Но всё равно — вероятно, потому, что он был так энергичен и интересен, — нам казалось, что он, ко всему прочему удивительно красив.*

Физика не была профилирующим предметом в нашей школе, но физику любили все, кто у него учился. Но её и невозможно было не любить! Это же целый мир, в котором так многое происходило! Казалось, что всё на свете можно было объяснить, если знать её законы. Его уроки мы обожали, потому что его неистощимая энергия, искромётный юмор, живое мышление будили в нас такой азарт, что мы готовы были заменить физикой остальные уроки. Мы страшно завидовали параллельному классу, в котором он был классным руководителем. Он водил их в походы, вывозил в другие города, искал с ними клады, исследовал какие-то пещеры... Мы старались быть к ним поближе, потому что с ним всегда было интересно, к тому же кого-то из нас он иногда брал в поездку вместе со своим классом.

— *Что же в нём было особенного?*

— *Ничего... и всё. Он был такой живой, мы никогда не слышали, чтобы он нам что-нибудь запрещал, но при нём нам и не хотелось чего-то предосудительного. Он знал каждого из нас, хотя постороннему человеку могло показаться, что он знал только свою физику. Но мы чувствовали, что он не только помнит нас по именам, но и как будто знает про нас что-то, чего мы сами о себе не знаем. Пока он был с нами, наша школьная жизнь была настоящим пра-*

здником: мы легко переносили самые скучные уроки, любые проблемы были нам по плечу, наверное, ещё и потому, что мы могли о многом с ним поговорить, посоветоваться. Мы не знали, что такое «бояться урока». Мы боялись, наверное, только одного — потерять его уважение. Но этого ни разу не случилось: ни чья-то драка, ни чьё-то враньё не вызывали в нём осуждения. Он сначала разговаривал и пытался разобраться, потом вздыхал, задавал ещё несколько вопросов, отвечая на которые, мы начинали понимать, как мы дошли «до жизни такой», иногда даже грустно шутил — так что становилось всё понятно.

— *А что вы делали со своей влюблённостью?*

— *Не знаю. Его легко было любить, он выделял каждого из нас по-своему, был с нами корректен и уважителен, нам просто хотелось рядом с ним очень хорошо выглядеть, и не только внешне. Наверное, можно сказать, что не хотелось выглядеть перед ним дураками, и нам это как-то удавалось. С ним рядом я всегда чувствовала себя красивой, интересной и хорошей.*

— *Чем всё закончилось?*

— *Ему пришлось внезапно уехать в самом начале нашего десятого класса: его маленькая дочка сильно заболела, и им с женой пришлось переезжать в Москву, чтобы вылечить её. Когда он прощался с нами, мы, конечно, ревели в три ручья. Нам казалось, что наша школьная жизнь теперь кончена. Что теперь уже не будет ничего такого, что имело бы смысл. Но оказалось, что всё было не так уж и страшно. Мы, конечно, очень скучали, писали письма. Но он так сплотил нас всех — по крайней мере два наших класса — что остаток года мы прожили не то чтобы очень весело, но тепло, и с близостью какой-то, будто мы все почти родственники. Лично я очень ему благодарна!*

— За что?

— Самое главное, наверное, за то, что уже больше никогда и ни с кем не чувствовала я себя никчёмной душой: чувствовала себя состоятельной, красивой и интересной. И за то, что мне теперь всегда интересно учиться, и не только у таких талантливых учителей.

Учителей, чьё предназначение учить детей, сразу видно в школе. Они всегда полны энергии, даже когда очень утомлены и устали, ведь школа — место, где они как расходуют свою энергию, так и получают. Им всегда всё интересно: и через много лет их живо интересует как предмет, так и отдельный ребёнок, да и класс в целом. Они всегда открыты новому и готовы учиться так же активно, как и учить.

Способность подзаряжаться энергией от своего дела, даже когда много поработали, желание постоянно развиваться в том, что вы делаете, ощущение удовлетворения в конце дня, а также финансовая состоятельность, отсутствие компенсационных потребностей — напиться, поесть, отключиться, уйти в виртуальную реальность после рабочего дня — всё это также критерии следования своему предназначению.

Она — одна из тех, в ком совершенно не сомневаешься, что быть учителем — одно из безусловных предназначений. Когда она появляется в школе, ручей школьной жизни превращается в бурную горную реку. Она успевает всё: увидеть, подсказать, улыбнуться, пошутить, решить массу организационных вопросов, отчитать, поставить на вид, поддержать, успокоить. Её уроки даже уроками назвать трудно: это интерактивное действие, которое захватывает тебя целиком, и не участвовать в нём ты никак не можешь ещё и потому, что она сама вся здесь, с нами.

Это чувствуется, это находит отклик в душах даже отъявленных «бездельников» и «провокаторов». Они немедленно ведутся на её энергию и вовлечённость, включаются в процесс и откликаются на её активный интерес ко всему, что происходит на уроке.

В её манере вести урок сочетается почти несочетаемое: быстрый темп и время для каждого, кто хочет ответить, даже если сама мысль оформляется только в процессе её произнесения. Возможность видеть урок в целом, следуя системе, и видеть процесс конкретного ученика. Требовательность и персональное участие к каждому. Общее и частное. Анализ и синтез. Шоу и интеллектуальная работа. Абстрактно, теоретически — и конкретно, практически. Как бывает вообще и как прямо сейчас — с тобой, с нами. За время одного урока!

Но я знаю, за что они на самом деле её любят, ученики. За её живые чувства, открытость, неугасающий интерес. За то, что принимает себя такой, какая она есть, и их принимает, подшучивая, но не унижая. Заигрывая, но не заигрываясь. Любя, но не балуя. Всегда внимательна к их нуждам, но не заискивает и не отдаёт себя на заклатание. Уважает личность каждого, слышит их мнения, понимает потребности, откликается на их чувства, не нарушает их психологических границ. Они любят её — детей не обмануть.

Учитель по предназначению, по призванию, — не редкость, но и, увы, не правило. Если бы нам преподавали только те, кто выбрал свою профессию исходя из очевидного предназначения, — у нас бы вырастали дети, чьи человеческие и профессиональные качества были бы удивительны, неповторимы и сверхвосребованы обществом. И тогда наступит новое Возрождение, способное дать миру не только гениев, но и просто счастливых людей. **НО**